

ARTS JUDAICA ROSSICA

Judaica
Rossica

2

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Центр библеистики и иудаики

RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
Center for Biblical and Jewish Studies

**ИЗДАНИЕ
PROJECT JUDAICA**

**A PUBLICATION
of PROJECT JUDAICA**

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)
Еврейская теологическая семинария
(Нью-Йорк)
ИВО – Институт еврейских исследований
(Нью-Йорк)

Russian State University for the Humanities
(Moscow)
Jewish Theological Seminary of America
(New York)
YIVO Institute for Jewish Research
(New York)

Judaica Rossica

Выпуск
второй

Москва
2002

Judaica Rossica

ВЫПУСК
ВТОРОЙ

Москва
2002

ББК 63.3 (2=Евр) я 43
И 94

Редакционная коллегия:

Н.И. Басовская, Д. Фишман (США), М. Вэбб (США),
М.С. Куповецкий, Л.Р. Городецкий, Л.Ф. Кацис (отв. ред.),
М.М. Каспина

Художник М. Гуров

ISBN 5-7281-0565-3

© Авторы статей, 2002
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2002

Памяти
С.А. Сандлера

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
“АТРИБУТИВНОСТЬ”
В ЕВРЕЙСКО-ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ.
К постановке вопроса

Иранскому языкознанию известны две разновидности татского языка, в 70–80-х годах называвшиеся в СССР диалектами, еврейско-татская и собственно татская. В трудах первых исследователей языка эти разновидности определялись как самостоятельные близкородственные языки юго-западной подгруппы иранских языков¹ – еврейско-татский язык и собственно татский язык.

В литературе всегда отмечалось наличие значительных формальных и содержательных различий между еврейско-татским и собственно татским языками на всех уровнях языковой структуры, что исключает полное взаимопонимание между их носителями, принадлежащими к разным этногенетическим группам: носители еврейско-татского языка – это горские евреи Дагестана и других республик Северного Кавказа и Закавказья*, а носители собственно татского – этнические таты Азербайджана и юга Дагестана.

В результате историко-типологических исследований А.Л. Грюнберга татский язык предстает в структурно-типологическом аспекте как язык аналитико-агглютинативного типа, особенно в системе имен. В нем развиваются и функционируют формы вторичных агглютинативных падежей и аналитические средства выражения грамматических значений среди именных частей речи².

В.С. Расторгуева, рассматривая вопросы общей эволюции морфологического типа иранских языков, относит татс-

---

* В связи с миграционными процессами трех последних десятилетий горские евреи наиболее компактно проживают теперь: на территории России – в Москве, Санкт-Петербурге, Пятигорске, за пределами России – в Израиле, Канаде, Германии и Австралии.

кий язык, наряду с персидским, таджикским и некоторыми другими западноиранскими языками, к новоиранским языкам, наиболее сильно продвинувшимся по пути развития аналитизма в общей перестройке грамматических систем при переходе от древнего синтетического строя к аналитическому, характерной для среднего и нового периодов в истории развития иранских языков³. Это свидетельствует о более ускоренном темпе развития западноиранских языков по сравнению с восточноиранскими, в которых в среднеиранскую эпоху флективный строй разрушался быстрее, нежели в восточных. Как известно, именно тогда углублялись различия между двумя основными группами иранских языков, когда стали появляться новые дифференции в фонетике, морфологии, синтаксисе. В это же время появляются различия и между отдельными языками внутри указанных основных групп.

Дальнейшая эволюция отдельных языков западной группы еще более отдаляла их друг от друга в связи с внутренним спонтанным развитием их грамматических систем и воздействием различных субстратных, ареальных факторов, что приводило к разнообразным типологическим трансформациям.

Так, современный еврейско-татский язык отличается не только формально, но и содержательно от других югозападноиранских языков, в том числе и от собственно татского, факты которого, введенные в научных обиход Грюнбергом, послужили источником языкового материала для обобщений Расторгуевой. Еврейско-татский язык, развивающийся самостоятельно и самобытно в совершенно ином языковом конклаве, чем собственно татский язык на протяжении длительного периода времени, характеризуется интересным в научном смысле материалом о языковой эволюции, подтверждающим и дополняющим детальными закономерностями указанный процесс. Данный материал свидетельствует о своеобразном динамичном внутриязыковом развитии грамматического строя еврейско-татского языка в направлении большей абстрактности выражения грамматических значений, т. е. о закономерном развитии тенденций, появившихся в среднеиранскую эпоху.

Нами рассматривается именная грамматическая категория атрибутивности, выявленная на материале еврейско-татского языка. Данная категория позволяет еще раз зафиксиро-

ровать своеобразие формальной, выразительной и содержательной, речемыслительной структур этого языка в ходе его эволюции, в отличие от собственно татского и других юго-западноиранских языков, и сделать вывод о самобытности внутриструктурного развития его грамматического строя, в частности на примере именной подсистемы.

Система средств выражения грамматических значений в именной морфологии еврейско-татского языка смешанная, аналитико-агглютинативная, что характеризуется наличием совокупности общеизвестных структурно-морфологических особенностей структуры слова именных частей речи, степенью его синтетичности, порядком чередования и типами морфем (в плане выражения и в плане содержания), технику, способ соединения корневых и основообразующих элементов, основы и аффиксальных компонентов. Указанные особенности, в свою очередь, эксплицируют ряд следствий в синтаксической системе языка, в системе построения и функционирования именных групп, что исторически привело к формированию не только собственно морфологических, лексико-грамматических категорий имени – числа, определенности/неопределенности, но и функционально-грамматических, семантико-реляционных категорий – падежа, атрибутивности.

Так, недостаточность морфологических, падежных средств при выражении синтаксических отношений именных частей речи компенсируется в еврейско-татском языке особым средством – стяжением различных синтаксических, в том числе и атрибутивных, групп в составе предложения, обладающих совокупностью определенных структурно-семантических характеристик. Структурирование именных атрибутивных комплексов позволяет выразить многообразные атрибутивные как абстрактно-грамматические, так и конкретные “падежные” значения ограниченным числом моделей таких конструкций. Хотя, возможно, исторически эти процессы – свертывание падежной парадигмы и закрепление места имени в предложении посредством стяжения синтаксических блоков в его составе – взаимообусловлены: семантизация позиции имени информативно ослабляла позиции падежной флексии в системе и приводила к ее отпадению.

Формирование атрибутивных групп слов посредством особых средств грамматической выразительности для пе-

редачи синтаксических отношений имен закономерно для современного состояния грамматического строя языка, характеризует его содержательно-типологический облик в именных частях речи. Образование этих групп обусловлено особенностями именной морфологии: функционирующие в языке три формы категории падежа имени существительного – прямого (немаркированного), объектного и орудийно-комитативного не позволяют выразить всего разнообразия синтаксических отношений имен. Имена прилагательные не имеют категориальной деривации падежа и числа; нет грамматической категории рода и других форм качественных именных классификаций. В языке отсутствует синтаксическое согласование прилагательных с существительными в такой форме, в какой это свойственно флективным языкам и тем, в которых функционируют именные классы и имеет место синтаксическая координация через классные экспоненты. Поэтому зачастую прилагательные, при отсутствии словоизменительных формантов степеней сравнения и форм интенсификации, а также свойственных этой части речи словообразовательных аффиксов, остаются в предложении неспециализированными, неопределенными на основании их морфологической структуры.

Кроме того, в языке не получил значительного развития класс относительных прилагательных, а притяжательные прилагательные вообще не образуются. В связи с этим широко используются существительные в атрибутивной функции. Существительное, употребленное в роли центрального компонента именной группы, утрачивает свои словоизменительные показатели: они передвигаются на конечную позицию комплекса в силу действующей в языке закономерности образования у подобных словосочетаний групповой флексии. В таких случаях и существительное зачастую оказывается морфологически неспециализированным. Но, включаясь в синтаксический контекст в составе синтаксических блоков, морфологически неоформленные слова-лексемы обретают статус словоформы, а морфологически выразительные слова получают дополнительные признаки включенности в предложение на основе семантических и топологических связей с другими словами. При этом большое значение приобретают формы линейного порядка

следования слов в речевой цепи и морфолого-синтаксические формативы – маркеры синтаксической функции слов, а также ритмико-интонационный рисунок речевых отрезков.

Специальным и регулярным средством выражения атрибутивных значений в языке является микросистема именных определительных конструкций, которая состоит из двух структурно-семантических типов словосочетаний, находящихся в оппозиции друг к другу по форме и по содержанию: качественная конструкция с препозитивным определением и притяжательная – с постпозитивным определением. В приводимых примерах здесь и далее курсивом выделены определения:

1) *инчелеле* духтер “стройная девушка”, *жогъиле* раби “молодой раввин”, *хинике* вэглэдогьо “холодные времена”, *куьгъне* Дербенд “древний Дербент”;

2) энгуьшдери *дедей* “кольцо матери”, седеф *ширмой* “перламутровая пуговица”, совуй *глов* “кувшин воды”, мэг-лни *гуфереи* “колыбельная песня”

В первой группе примеров представлены качественные словосочетания, которые называют собственно качества, свойства предметов, дают их качественную оценку, во второй – притяжательные конструкции, определяющие предметы через их отношения к другим предметам или к лицу, указывая на их принадлежность лицу.

В роли определения в качественных словосочетаниях употребляются имена, объединяемые общностью синтаксического значения – характеристикой качества предмета: качественные и относительные прилагательные, существительные, порядковые числительные и глагольные имена – причастия. В функции определения в притяжательных словосочетаниях употребляются только имена существительные.

Микросистемой атрибутивных конструкций в языке выражается семантическое ядро понятийной категории “атрибутивность” – “квалитативность” (“качественность”) и “посессивность” (“принадлежность”). В эти общие и емкие субкатегории включаются более частные, детализованные оттенки значения качеств и свойств предметов.

Так, качественными словосочетаниями передаются следующие *квалитативные* значения:

а) физические качества предметов, лиц – *сире* гъобо “белое платье”, *келе* дигъ “большое селение”, *фирегье* сифет “широкое лицо”, *ленге* одоми “хромой человек”.

б) психологические особенности людей – *деслове* одоми “щедрый человек”, *эгулменде* г1эил “умный ребенок”;

в) возрастная характеристика – *пире* зен “пожилая женщина”, *жогъиле* богъдор “молодой садовник”;

г) качественная оценка временных и пространственных отношений предметов и лиц – *куьгъне* дусдгъо “давние друзья”, *гъейсэг1этине* жогъилгъо “современная молодежь”, *эз дуре* Догъисту “из далекого Дагестана”, *э доруни* хуне “в дальней комнате”;

д) качественная оценка предметов, лиц: *шоре* руз “радостный день”, *мозолле* зиндегуни “счастливая жизнь”, *биномусее* одоми “бесчестный человек”;

е) количественная характеристика предметов: *суйфдеи* кук “первый сын”, *чоримуьн* тэбэгъэй хуне “четвертый этаж дома”;

ж) характеристика предметов через качественное осмысление действия, которое было ими или над ними произведено: *белсохде* пешм “расчесанная шерсть”, *пажире* бегъер “сморщенный плод”

Притяжательными конструкциями выражаются *посессивные* значения:

а) принадлежность предмета лицу, т. е. собственно притяжательное значение: *лечек дедей* “платок матери”, *хуней келебебе* “дом бабушки”;

б) характеристика предмета через отношение к другому предмету: г1эдотгъой *дин* “религиозные обычаи”, *назуй вишеи* “лесная кошка”, *богъгъой онгури* “виноградные сады”;

в) партитивность: *хушей онгур* “гроздь винограда”, *пуйкегъой жэгл* “чешуя рыбы”;

г) характеристика материала, из которого состоит предмет: гъоб *лугъи* “керамическая посуда”, *вельжекгъой алати* “кожаные перчатки”;

д) временная и пространственная характеристики предмета: *салгъой г1эили* “детские годы”, *киляхъ зимистуи* “зимняя шапка”, *хоригъой Догъисту* “земли Дагестана”, *догъгъой Кавказ* “кавказские горы”;

е) родовидовая характеристика: вишей *балуди* “дубовый лес”, дор *тутти* “тутовое дерево”

Как видим, для выражения разнообразных смысловых определительных отношений между предметами в еврейско-татском языке используется микросистема атрибутивных конструкций: качественная конструкция выражает многообразие качественных характеристик предмета, лица, включая и количественную их оценку, т. е. квалитативность и квантитативность; притяжательной конструкцией передаются разнообразные относительно-притяжательные характеристики предмета, т. е. посессивность (в широком смысле) и релятивность. В атрибутивных словосочетаниях обобщаются различные конкретные определительные значения. В качественной конструкции, кроме конкретного значения, выражается и обобщенное значение квалитативности (качественности), а в притяжательной – посессивности.

Представляется, что в структуре и семантике атрибутивных конструкций нашла эксплицитное выражение комплексная грамматическая именная категория “атрибутивность”, реализуемая комбинацией разнообразных грамматических средств выражения атрибутивных значений в системе именных частей речи. Известно, что атрибутивное понятийное поле включает в себя квалитативность, посессивность, квантитативность, компаративность (или градуальность). Являясь смысловыми компонентами общего характера, эти семантические категории, преломляясь в еврейско-татском языке, выражаются в нем разнообразными средствами – лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, образуя систему определенных семантико-реляционных понятий. Разбиение категоризируемой совокупности семантических признаков атрибутивного понятийного поля происходит и на синтаксическом уровне, посредством реализации парадигматической оппозиции синтаксических структур определенной формально-содержательной организации, т. е. в наборе соотносящихся друг с другом их типов и оппозиций средств их структурирования.

В языке в настоящее время происходит грамматикализация речемыслительной реляционной категории “атрибутивность” и одновременно с ней парадигматизация двух рассмотренных выше именных структур и формирование

нового типа связи слов. Данные явления представляются компонентами общего процесса преобразования именной словоизменительной системы языка. Механизм их действия состоит в организации и регулярном функционировании единой системы двух соотносительных, но взаимоисключающих друг друга по значению, т. е. симметрично оппозитивных, рядов форм (синтетических и аналитических показателей синтаксических структур), что, как известно, является конституирующим признаком грамматической категории.

Атрибутивные словосочетания еврейско-татского языка, являясь билатеральными языковыми единицами, т. е. обладая формой и содержанием, характеризуются взаимосвязью, взаимным соответствием и обусловленностью семантических и структурных черт. Обе атрибутивные конструкции – качественная и притяжательная – входят в систему формально-содержательных оппозиций языка. Это отражается в том, что система синтаксических содержаний, вкладываемых в понятие “атрибутивность” – качественность/притяжательность (квалитативность/посессивность), коррелятивна системе формальных способов организации этих структур. Дифференциация атрибутивных признаков – качественных притяжательным – имеет для еврейско-татского формальную значимость: в микросистеме определительных конструкций эти семантические признаки сконцентрированы и связаны друг с другом посредством парадигматической оппозиции синтаксических структур определенной формально-содержательной организации.

Для выражения понятийной категории “атрибутивность” через формирование определительных конструкций языка используются два вида грамматических средств – морфологические и синтаксические, которые находятся в отношении дополнительного распределения друг к другу на линии речевой цепи. Это регламентированный, строго закономерный порядок слов в именной группе (препозиция/постпозиция определения) и морфологические показатели, маркирующие определение (суффикс качественности определения/суффикс притяжательности определения).

Основным способом грамматической организации атрибутивных конструкций является собственно синтаксическое

средство – строго закономерный словопорядок: препозиция или постпозиция определения относительно определяемого при примыкании слов в сочетании. Именно позиция определения в предложении служит в еврейско-татском языке семантико-синтаксическим показателем связи слов, маркером подчиненности зависимого компонента словосочетания и одновременно маркером его значения: при выражении качественной характеристики предмета определение предшествует определяемому существительному, при выражении принадлежности предмета или его относительной, релятивной характеристики оно следует за определяемым.

Порядок слов в данных словосочетаниях является как формально-синтаксическим, так и функционально-семантическим средством связи, относясь как к понятию их формы, так и к плану их содержания. Иначе говоря, в еврейско-татском предложении отмечается семантизация позиции определения: функционируют две семантически релевантные противопоставленные позиции определения относительно определяемого, закрепленные за одним из семантико-реляционных атрибутивных признаков: качественное определение всегда располагается в препозиции к определяемому слову, притяжательное – только в постпозиции, независимо от категориальной принадлежности слова, употребленного в качестве зависимого компонента. Так, слова различных частей речи, выполняя функцию определений – качественные и относительные прилагательные, существительные, причастия, объединенные общностью качественной характеристики предмета, занимают в предложении одну позицию – препозицию к определяемому. Напр.: *торике* асму “темное небо” (*торик* “темный”, качественное прилагательное), *гьейсэгIэтин* поселок “современный поселок” (*гьейсэгIэтин* “современный”, относительное прилагательное), *нембее* булутгьо “ватные облака” (*нембе* “вата”, существительное), *гирошде* рузгьо “прошедшие дни” (*гирошде* “прошедший”, причастие). Таким образом, структура атрибутивных конструкций еврейско-татского языка связана с отношениями между компонентами и безотносительна к категориальной принадлежности слова-определения. Формально-синтаксическая оппозиция “препозиция определения/постпозиция определения” отражает противо-

поставление обобщенных функционально-семантических субкатегорий “качественность/ притяжательность” Содержательная оппозиция “качественность/притяжательность” коррелятивна формально-синтаксической оппозиции порядка слов, от которой зависит разбиение класса атрибутивных структур на качественные конструкции с препозитивным определением и притяжательные – с постпозитивным. Одно и то же слово (напр., существительное), употребленное в определительных словосочетаниях в функциях разнохарактерных определений, которые выражают семантически противопоставленные значения, занимает в предложении разные позиции: препозитивную по отношению к определяемому – в случае качественной характеристики предмета и постпозитивную – при относительно-притяжательной характеристике. Напр.: *сангье* дуъл “каменное сердце”, “сердце, подобное камню”, но хуней *сангьи* “каменный дом”, “дом из камня” (*сангь* “камень”); *азаде* рузгьо “свободные дни”, но гофгьо *азади* “слова свободы” (*азад* “свобода”); *эвруьшуьме* муйгьой “шелковые волосы”, “волосы, подобные шелку”, но шол *эвруьшуьми* “шелковый платок”, “платок из шелка” (*эвруьшуьм* “шелк”).

В общей системе выражения атрибутивных значений в рассматриваемых сочетаниях слов участвуют и морфологические показатели, так называемые суффиксы атрибутивности определений: 1) суффикс качественности *-е*, оформляющий зависимые прилагательное и существительное в качественной конструкции, и 2) суффикс притяжательности *-и*, оформляющий зависимое существительное в относительно-притяжательном словосочетании. Напр.: *тоз-е* кияльх “новая шапка”, *дердлу-е* чумгьо “больные глаза”, *рангсуьз-е* ейлугь “обесцвеченный носовой платок”, мегьсой *алат-и* “кожаные сапоги”, кияльх *зимисту-и* “зимняя шапка”, боггьгой *онгур-и* “виноградные сады” Атрибутивные признаки в микросистеме определительных конструкций разграничиваются не только с помощью синтаксических средств, но и посредством морфологической категории “атрибутивность” Данная категория в языке материально представлена двумя коррелятивными аффиксами *-е/-и*, которые выполняют, с одной стороны, функцию связи компонентов словосочетаний, а с другой – семиологическую функ-

цию, маркируя разные по семантике определения: суффикс *-e* – качественное определение, суффикс *-u* – относительно-притяжательное⁴. В микросистеме атрибутивных конструкций языка отмечается формально-содержательная оппозиция “аффикс качества определения *-e*/аффикс притяжательности определения *-u*”.

Употребление этих специальных морфолого-синтаксических показателей атрибутивности слов-определений не является абсолютным и строго закономерным, а скорее факультативным, несущим как бы дополнительное к другому грамматическому средству значение, тогда как фиксированный порядок слов является основным средством формирования атрибутивных структур. Подобное факультативное положение аффиксов атрибутивности определений, возможно, связано с тем, что в рассматриваемой микросистеме определительных словосочетаний сосуществуют два исторически различных типа формальных показателей связи слов. С одной стороны, рассмотренные выше инновационные форманты *-e*, *-u* как элементы новой системы выражения атрибутивной связи, возникновение которых в языке связано с процессами вторичного синтезирования, с другой стороны, реликтовый формант изафетного типа *-й* как элемент прежней, исконно западноиранской системы выражения атрибутивной связи изафета, еще остаточно функционирующий в языке в притяжательной конструкции.

Притяжательная конструкция еврейско-татского языка исторически близка по форме изафетной конструкции многих западноиранских языков, но в настоящее время она отличается от западноиранского стандарта в содержательном, структурном и функциональном аспектах⁵. Изафетный показатель *-й*, оформляющий определяемое существительное, полностью редуцировался в позиции после согласных и употребляется только после основ на гласные (кроме *-u*), а зачастую утрачивается и после них, т. е. в языке наблюдается тенденция к его исчезновению. Примеры: хуне-*й* бебе “дом отца”, пильке-*й* пиез “луковая шелуха”, гофгьо-*й* деде “мамыны слова”

Рассмотренный способ выражения в еврейско-татском языке понятийных субкатегорий “качественность” и “притяжательность”, вкладываемых в понятие более общей се-

мантической категории “атрибутивность”, отличается структурно-семантической целостностью, логичностью и последовательностью в соотношении формы и содержания. Основополагающая дихотомия класса именных атрибутивных словосочетаний на подкласс качественных и подкласс притяжательных конструкций выявила достаточно стройную, образцовую систему выражения абстрактных атрибутивных отношений, отдельные части которой гармонично коррелируют между собой: содержательная оппозиция “качественность/притяжательность” реализуется в оппозициях самих структурно-семантических типов атрибутивных конструкций и в оппозициях формальных средств организации этих структур: собственно синтаксических – “препозиция определения/постпозиция определения” и морфолого-синтаксических – “суффикс качественности определения *-e* /суффикс притяжательности определения *-и*”

Единство значения и его выражения в системе билатеральных языковых единиц, какими являются атрибутивные конструкции, соотносительность, взаимосвязь и обусловленность их формы и содержания являются, как известно, одним из необходимых признаков грамматической категории. Микросистема выражения атрибутивности в еврейско-татском языке отличается и другими особенностями, свойственными грамматическим категориям. Так, она представляет собой единую систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями: качественные атрибутивные конструкции, с одной стороны, и притяжательные – с другой. В основе классификации этих определительных структур лежит категориальный семантический признак “характер атрибутивного отношения между компонентами”, который является дифференциальным, модифицирующим, так как способствует противопоставлению значений данных синтаксических единиц. Категоризирующий семантический признак связан с синтаксисом. Обязательным в языке для формирования конструкции является выбор одного из двух значений из категоризируемой совокупности (качественность/притяжательность). И, что немало важно, указанная система отличается регулярным способом выражения атрибутивного значения в языке. На основании наличия вышеперечисленных характерных черт граммати-

ческой категории в системе выражения атрибутивных значений в именных частях речи еврейско-татского языка можно заключить, что в языке функционирует своеобразная комплексная функционально-грамматическая, семантико-реляционная категория “атрибутивность” Комбинированный характер выражения данной категории обусловлен аналитико-агглютинативным типом морфологического строя языка в системе имен.

*

Переходя от собственно описательной лингвистики к объяснительной, в качестве рабочей гипотезы об истории формирования рассмотренной грамматической категории атрибутивности в еврейско-татском языке предлагаются следующие суждения. Два типа атрибутивных конструкций, подобных еврейско-татским моделям, имеют место и в других иранских языках, однако не в виде микросистемы, а по отдельности. Например, качественная конструкция функционирует в прикаспийских языках: гилианском, мазандеранском, талышском⁶, в диалектах курдского языка⁷ Притяжательные конструкции изафетного типа распространены в диалектах курдского языка⁸ и во многих западноиранских языках, где они являются универсальным средством атрибутивной связи, служат для передачи качественных и относительных признаков предметов, а также для указания на принадлежность предмета лицу⁹ Однако наличие отдельных частных сходств в формальной и/или содержательной структурах атрибутивных конструкций в иранских языках не объясняет появления целостной системы выражения атрибутивности в еврейско-татском языке, а лишь свидетельствует о генетически и типологически сходном направлении в развитии этих языков.

Сравнительно-сопоставительное и историко-типологическое исследование материалов еврейско-татского, собственно татского и других югозападноиранских языков в этой сфере показало, что в результате одновременных перестроек именной морфологии в еврейско-татском происходит становление нового, самобытного типа атрибутивной связи слов именных частей речи. Отразившийся в структуре и семантике атрибутивных конструкций формально-со-

держательный механизм образования языковых абстракций в системе именных частей речи, демонстрируя своеобразие содержательной структуры языка в этой сфере, является особенностью еврейско-татского, отличающей его от других иранских языков.

Становление подобной, достаточно логичной и последовательной системы выражения грамматического значения атрибутивности в еврейско-татском языке свидетельствует, с одной стороны, о действии общезыкового закона о закономерном прогрессе в синтаксисе любого естественного языка: развивается и совершенствуется система выражения мыслей, становясь более стройной и упорядоченной. Но, с другой стороны, рассмотренный материал подтверждает действие частных закономерностей развития иранских языков. Как показали обобщающие исследования Д.И. Эдельман, внутривидовые преобразования именной подсистемы во многих языках, особенно интенсивно в югозападноиранских (упрощение древней флективной системы и становление новых систем в результате усиления аналитизма и вторичного синтезирования) задаются и регулируются прежде всего изменением содержательной стороны языка – непосредственно или через посредство синтаксиса¹⁰. Рассматривая отдельные элементы типологических трансформаций в морфологии иранских языков, Эдельман отмечает, “что все эти черты “упрощения” древнеиранской флективной системы имени и глагола и развития заменявших и вытеснявших ее синтаксических оборотов аналогичны тем, которые отмечаются при “пиджинизации” языка в условиях, когда он обслуживает иноязычных носителей, усвоивших язык более “престижного” этноса не в полном объеме”¹¹. “Очевидно, – продолжает Эдельман, – древние юго-западные диалекты, и прежде всего один из них, легший в основу древнеперсидских надписей, будучи языком господствующего этноса, а впоследствии и государственным (в условиях жестко централизованного государства), являлся также и языком общения господствующей части общества с остальными (а, кроме того, возможно, языком общения между собой различных персидских племен). Это обстоятельство ускорило переход на него большей группы племен – без достаточно глубокого его усвоения”¹².

Выводы Эдельман, сделанные на обширном материале югозападноиранских языков, подтверждаются и иллюстрируются рассмотренным материалом и еврейско-татского языка. Несмотря на отмеченное в литературе единообразие в историко-типологическом процессе преобразований именной морфологии во всех иранских и особенно в юго-западных языках, еврейско-татский язык стоит здесь особняком. Его своеобразие в ходе и результатах типологических преобразований состоит, в числе прочего, и в формировании двух рассмотренных выше атрибутивных конструкций, организованных в единую микросистему, посредством которой эксплицитно выражается синкретичная инновационная грамматическая категория атрибутивности. Различие в положении определения относительно определяемого существительного является одной из характерных дифференций, отличающих западноиранские языки от восточноиранских. По этому признаку еврейско-татский язык отличается от иранских языков западной и восточной групп, занимая как бы промежуточное положение между ними.

Немалую роль в возникновении подобных различий между иранскими языками даже внутри основных групп играют факторы субстратного, ареального, т. е. контактного, происхождения¹³ В отношении грамматической специфики еврейско-татского языка воздействие субстрата имеет особое значение, ибо формирование этого языка исторически связано с переходом на татский язык в прошлом семитских по языку отдельных групп еврейского населения¹⁴, т. е. с креолизацией диалекта среднеперсидского языка, легшего в его основу.

Еврейско-татский язык, как и другие персидско-еврейские языки (бухарский, гератский и др.), формировался в условиях языковой ситуации, отличающейся полигlossией: евреи в диаспоре использовали язык окружающего населения как лингва франка, сохраняя при этом древнееврейский как культовый и литературный язык и создавая свой специфический еврейско-среднеперсидский, который со временем стал родным для следующих поколений его носителей. Нам представляется, что еврейско-татский язык на начальных этапах формирования сложился как креольский на основе пиджинизации того периферийного диалекта среднеперсид-

ского языка, который выполнял сначала функции лингва франка и в котором в тот период еще сохранилась качественная конструкция с препозитивным определением, но уже появилась конструкция изафетного типа с постпозитивным определением, использовавшаяся только для выражения притяжательности. Как отмечалось выше, одной из характерных особенностей пиджинизации является разрушение и упрощение сложных грамматических моделей языка-источника и развитие аналитизма, что и имело, видимо, место на этом этапе развития именной морфологии еврейско-среднеперсидского языка (ок. III–VII вв.), как показывает ее последующая эволюция в еврейско-татском.

Дальнейшее самостоятельное, изолированное от иранского языкового массива, развитие языка, происходило в среде кавказских и тюркских языков, в которых разновидности определений (адъективные, генитивные и др.) предшествуют своим определяемым. Контактирование и взаимодействие еврейско-татского языка с названными языками могло способствовать сохранению в нем препозитивных атрибутивных конструкций и развитию уже заложенных тенденций к изменению в характере атрибутивной связи. В процессе внутривидового развития языка со временем происходило втягивание двух типов конструкций в симметричные оппозиции по семантическому и формальному основаниям для выражения атрибутивных отношений имен, т. е. усиливался аналитизм и упрощалась грамматическая модель посредством становления достаточно ясного и логичного, рассмотренного выше фрагмента новой именной словоизменительной (деривационной) системы.

Дополнительным свидетельством самобытности еврейско-татского языка в данной частной языковой подсистеме является его сравнение с собственно татским современным материалом. Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что грамматические микросистемы атрибутивных конструкций этих языков не конгруэнтны: различны не только их состав, структура и семантика однотипных словосочетаний, но и их удельный вес¹⁵

Для более детального и систематического изучения воздействия семитского субстрата на татский язык в именной и других языковых подсистемах необходимо отдельное са-

мостоятельное сравнительно-историческое исследование в сфере иранистики и гебраистики.

Примечания

- 1 См. работы Вс.Ф. Миллера, Б.В. Миллера, Р.О. Шор, ранние труды А.Г. Грюнберга
- 2 *Грюнберг А.Л.* О месте татского среди иранских языков // Вопросы языкознания. 1961. № 1; *Грюнберг А.Л., Давыдова Л.Х.* Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М. 1982. С. 231–286.
- 3 *Расторгуева В.С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков: В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 160.
- 4 *Назарова Е.М.* О морфологических средствах выражения атрибутивности в еврейско-татском языке // Морфемный строй дагестанских языков. Махачкала, 1988. С. 127–147.
- 5 *Назарова Е.М.* О конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке в сравнении с другими иранскими языками // Вопросы иранистики и алановедения: Тезисы докладов. Владикавказ, 1990. С. 15–16.
- 6 *Грюнберг А.Л.* Указ. соч. С. 114; *Расторгуева В.С. Эдельман Д.И.* Прикаспийские языки: гилянский, мазандеранский // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 503, 505.
- 7 *Юсупова З.А.* Изафетные конструкции в сулейманийском диалекте курдского языка // Иранское языкознание: Ежегодник. 1980. М. 1981. С. 238–242.
- 8 Там же.
- 9 *Назарова Е.М.* О конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке в сравнении с другими иранскими языками. С. 15–16.
- 10 *Эдельман Д.И.* Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание: Ежегодник. 1982. М., 1987. С. 159–163; *Она же.* Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 54–56.
- 11 *Эдельман Д.И.* Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков. С. 60.
- 12 Там же.
- 13 *Абаев В.И.* О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 9. М., 1956. С. 57–62; *Эдельман Д.И.* К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 21, 24; *Она же.*

Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // Там же. С. 60–61.

- 14 На это указывалось и в лингвистической литературе (*Миллер В.Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 82; *Он же.* Введение // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 51) и в исторической (*Анисимов А.Ш.* Кавказские еврей-горцы. М., 1888; *Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан – Шура, 1906; *Тюменев А.* Евреи в древности и в средние века. Пг., 1922; *Ихлов М.М.* Горские евреи // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. II. М.; Л., 1950. С. 97–99; *Он же.* Горские евреи // Народы Кавказа: В 2 т. Т. 1. М., 1960. С. 554–561).
- 15 *Назарова Е.М.* О различиях в системах атрибутивных словосочетаний в диалектах татского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992. С. 163–171.